

R ¹²¹/₆₂₀

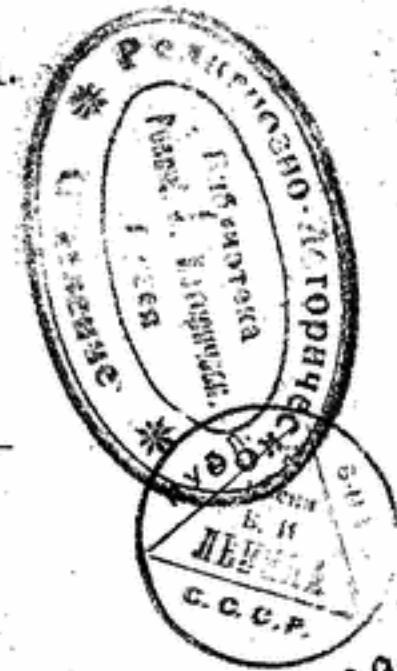
11/182

НА ВЕРЬЛЮДАХЪ.

Воспоминанія изъ жизни въ Средней Азіи.

Н. Урлова.

сп. 29-240

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Соѣкина, Стремянная, д. № 12.
1897

№ 326

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Ноября 1896 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ молодости я обладалъ безпечнымъ умомъ... Я не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ: стремленіе къ дѣятельности, жажда приключеній и заманчивыя картины безконечнаго шатанія по горамъ и лѣсамъ Азіи имѣли для меня невыразимо притягательную силу, а такъ какъ свойство моей службы не только позволяло, но даже обязывало перекочевывать съ одного мѣста на другое то, благодаря этому обстоятельству, мнѣ пришлось побывать и на Хивинской границѣ, и въ Бухарѣ, и въ Срединномъ царствѣ Чжунъ-го (какъ называютъ его китайцы). Не мало поѣздилъ я и караванными путями на верблюдахъ, и дикими ущельями Тянь-Шаня (Небесныя горы) на цѣпконогихъ, горбоносыхъ киргизскихъ моштаклахъ, чрезъ кряжистый хребтъ Нарынскій, — на сартовскихъ двухколесныхъ арбахъ и, наконецъ, даже на камышевыхъ плотахъ (салы) по Сыру, этой живописнѣйшей, хотя совершенно дикой рѣкѣ всего Туркестанскаго края.

Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а какъ далеко-далеко кажется мнѣ это невозвратное время!! Словно мимолетный сонъ кануло оно въ вѣчность и оставило послѣ себя лишь одно воспоминаніе да щемящую боль въ сердцѣ, — и невольно приходятъ на память чудныя строки поэта:

«Гдѣ моя юность съ чарующей лаской,
«Отваги и вѣры года?
«Гдѣ сердце, что было волшебною сказкой
«Заслушаться радо всегда?
«И гдѣ эти сказки, что слушалъ охотно?
«Ихъ вѣтъ — только эхо твердить:
«Все въ жизни непрочное, какъ сонъ мимолетно,
«Все мимо, все мимо дѣтство!»

Да и какъ не болѣть сердцу о прошломъ? Тогда я былъ юный, здоровый, ни отъ кого независимый человѣкъ, смотрѣвшій на Божій міръ сквозь розовыя стекла. Безшабашная удалъ духъ захватывала и просилась наружу; ни страху, ни боязни—все было тринтъ-трава! Бывало, верхомъ на лошади, съ драннымъ револьверишкомъ, годнымъ только для вколачиванія гвоздей, рыскалъ я по горамъ и ущельямъ,—и не страшны были встрѣчи ни съ двуногими хищниками-барантачами, способными за мѣдный чайникъ выпустить своимъ кривымъ ножомъ кишки, ни съ четвероногими—кlyкастыми кабанами-сѣкачами (*Sus scrofa*) и хитрыми барсами (*Felis irbis*). Не то теперь! Пустое урчанье въ желудкѣ порождаетъ смертельный страхъ (батьшки, не холера-ли!),—а встрѣча съ „Его Превосходительствомъ“ приостанавливаетъ даже бѣженіе сердца, которое прячется въ эти минуты если не совсѣмъ въ пятки, то навѣрное очень неподалеку отъ нихъ. Прежняя независимая, полная поэзіи жизнь замѣнилась пошлымъ мыканьемъ по канцеляріямъ; вмѣсто чудной природы—затхлый воздухъ архивовъ; мѣсто ежеминутныхъ приключеній—рапорты, доклады, отношенія и донесенія; вмѣсто друзей—киргизовъ, этихъ наивно-добродушныхъ, скуластыхъ дѣтей природы—геморроидальныя сослуживцы-чиновники съ перегорѣлымъ сивушнымъ запахомъ, и вмѣсто свѣтлыхъ южныхъ ночей подъ открытымъ небомъ—шатаніе по дымнымъ и душнымъ ресторанамъ, театрамъ и кафе-шантанамъ...

Измѣнилась и внѣшняя сторона былого, да такъ, что и слѣдовъ отъ прежняго не осталось.

Цивилизація, быстро шагая впередъ, разбудила дремавшую Русь. Поднялся сѣверный колоссъ и, движимый мощной силой прогресса, быстро принялся догонять Европу... Скоро ему стало тѣсно въ своихъ предѣлахъ и началъ онъ свое поступательное движеніе на востокъ. Повалились чалмоносныя головы хигинцевъ, какъ мячи, подъ ударами русскихъ сабель,—и вскорѣ подъ державную руку Бѣлаго Царя покорены были новыя громаднѣйшія территоріи степей;

забѣлѣлся двухглавый орелъ надъ минаретами ханскихъ ставокъ, а русскіе двигались себѣ все дальше и дальше въ центральную Азію, сопровождая свой путь такими блестящими предпріятіями, какъ взятіе славнаго въ лѣтописяхъ Востока города Самарканда, Хивинскій походъ, завоеваніе Ферганы и, наконецъ, занятіе всей Арало-Каспійской котловины. Много мѣста захватила Русь. Раскинулась она, по словамъ поэта, отъ

Хладныхъ Финскихъ береговъ

До пламенной Колхиды

Заблестѣлъ русскій крестъ „на далекихъ окраинахъ“ и церковный благовѣстъ возвѣстаетъ, что эта вновь покоренная земля принадлежитъ намъ. Благорастворенный климатъ и сокровища новыхъ провинцій привлекаютъ къ себѣ предпріимчивыхъ людей. И вотъ различные смѣльчаки, ежегодно забирающіеся отъ своихъ насиженныхъ Ярославскихъ, Владимірскихъ, Тверскихъ и другихъ родныхъ очаговъ за снѣжный хребетъ Алтая, въ долины Грузіи, къ берегамъ каменистаго Свеаборга, даже къ ледяному Архангельску—широкой волной хлынули во вновь покоренный край, а за этими смѣльчаками-піонерами двинулись и промышленники-капиталисты... Вскорѣ желѣзныя дороги опоясали теперь по всѣмъ направленіямъ тѣ дикія мѣста, гдѣ еще только два десятка лѣтъ назадъ рыскали полосатые красавцы тигры, да въ болотахъ камышахъ сопѣли и хрюкали, отфыркиваясь отъ міриадъ комаровъ и разныхъ болотныхъ мошекъ, щетинистые кабаны. А теперь узкоглазый туземецъ съ суевѣрнымъ ужасомъ смотритъ на „шайтановы телѣги“ и съ трепетомъ шепчетъ про себя молитву, для избавленія себя отъ злаго духа. Жалко кочевнику мивушаго; тоскливо сжимается у него сердце и съ грустью воспоминаетъ онъ „доброе старое время“, словно нашъ завзятый крѣпостникъ—блаженное для него, но позорное для народа время барщины...

Томителемъ песчаный, трудный путь,
И не на чемъ тутъ взору отдохнуть:
Нигдѣ ни кустика, ни пестренькой
поляны...
Песокъ, песокъ, песчаные барханы,
Да гладь степная...

I. Мое путешествіе по пустынямъ и степямъ.

Итакъ, этому минуло уже двадцать лѣтъ. Я служилъ тогда у купца Огнева *) и на обязанности моей, между прочимъ, лежала закупка и отправка въ Сибирь нѣкоторыхъ жировыхъ товаровъ и въ Нижній—хлопка.

До начала шестидесятыхъ годовъ хлопчатая бумага доставлялась въ Россію преимущественно изъ Америки, такъ что бухарскій хлопокъ не имѣлъ почти никакого сбыта и бухарцы продавали его по четыре рубля за пудъ въ то время, какъ имъ самимъ онъ стоилъ пять. Да при этомъ еще надо принять во вниманіе, что русскіе купцы платили четыре-то рубля не деньгами, а практиковали мѣну товара; слѣдовательно, цѣна на хлопокъ была ниже и 4-хъ рублей. Но съ 1862 года, когда загорѣлась въ Америкѣ ожесточенная междоусобная война, подвозъ хлопчатой бумаги все уменьшался, уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. По мѣрѣ уменьшенія привоза изъ Америки, спросъ въ Бухару увеличился, цѣна на хлопокъ возвысилась и дошла до 22-хъ рублей за пудъ. Сборъ и вывозъ поглотилъ въ

*. Фамилія мною измѣнена. Фирма этого достойнѣйшаго въ своемъ родѣ человека существуетъ благополучно въ наши дни и есть самая богатая въ Туркестанскомъ краѣ: годовой оборотъ ея простирается на сумму свыше 8 милліоновъ рублей серебромъ.

Бухарѣ всю ея прежнюю производительность, замѣнивъ почти весь вывозной товаръ: канаусъ, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты. Хлопокъ, хлопокъ и хлопокъ—вотъ единственный почти товаръ, какой теперь приносятъ на себѣ верблюды.

Въ 1872 году мнѣ надо было по торговымъ дѣламъ лично побывать въ городахъ Петропавловскѣ и Акмолинскѣ. Въ настоящее время такое путешествіе не представляетъ ничего не только труднаго, но и особеннаго, такъ какъ начиная отъ самаго Ташкента, чрезъ города Чимкентъ, Аулія-Ата, Вѣрный, Капаль и Сергіополь до Семипалатинска отлично можно добраться на лошадяхъ, и далѣе до Тобольска на пароходѣ, откуда до Акмолинска рукой подать. Но такая комфортабельная дорога не входила въ мои расчеты: мнѣ надо было сопровождать до Орска большую партію хлопка и потому направиться караваннымъ путемъ чрезъ Чулакъ (Тургайской области) на Акъ-Тау и чрезъ кряжъ Кокче-Тау; въ Акколы же отъ Орска—на лошадяхъ.

II. „Корабль пустыни“.

Въ степи всѣ тяжести возятся не иначе, какъ на верблюдахъ, частію потому, что два десятка лѣтъ назадъ прословутый, блаженной памяти Кузнецова, почтовый трактъ былъ идеально плохъ, такъ что коммерческій людъ всегда почти избѣгалъ путешествія по нему, предпочитая хотя и медленный, но за то вѣрный способъ передвиженія „на кораблѣ пустыни“.

Въ областяхъ Туркестанскаго округа верблюды встрѣчаются двухъ породъ: одногорбые „наръ-тюэ“ и двугорбые „аиръ-тюэ“. Первая порода, происшедшая отъ верблюдовъ южныхъ странъ Азіи, считается лучшею по силѣ и росту, но плохо выноситъ сѣверные холода; вторая, тюрско-монгольская порода, происходитъ изъ сѣверныхъ степей; она слабѣе „нара“, но привычнѣе къ болѣе холодному климату. Негреюовательность верблюда въ отношеніи пищи

и питья—общеизвестна. Избѣгая горныхъ мѣстностей и рѣчныхъ долинъ съ сочною травою, верблюды находятъ всѣ благопріятныя для себя условія въ открытыхъ, сухихъ и знойныхъ степяхъ и пустыняхъ, каковы Аравія и Монголія, доставившія въ Среднюю Азію своихъ представителей въ видѣ двухъ породъ. Западные уѣзды Сыръ-Дарьинской области обладаютъ многими мѣстностями, сходными по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ съ указанными странами и потому весьма благопріятны для разведенія верблюдовъ. Кромѣ службы вьючнаго животнаго при перекочевкахъ киргизъ и перевозкѣ тяжестей, верблюдъ доставляетъ хозяину густое и питательное молоко и шерсть идущую на выдѣлку особой ткани (армячины) для одежды, а также на мѣшки, приготовленіе тесьмы, веревокъ (арканъ) и проч.; мясо верблюда употребляется въ пищу.

Видъ верблюда характеренъ и живописенъ въ высокой степени. Пусть понимаютъ это какъ хотятъ, но мнѣ этотъ уродъ кажется красавцемъ: рѣдко что удовлетворяетъ такъ созерцанію, какъ видъ верблюда. Онъ художественъ по полнотѣ своихъ признаковъ, по ихъ строгому соответствію съ цѣлымъ, по выразительности идеи, проникающей весь его организмъ.

Это „сѣдло—звѣрь“, „вьюкъ—человѣкъ“; вы сразу прочитываете эту основную идею верблюда въ его горбахъ, въ его шеѣ, въ его ступнѣ. Передъ вами живое, неутомимое движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Только безграничная пустыня могла породить этого работника, не знающего усталости. Верблюдъ рожденъ работникомъ.

Работа—его органическое призваніе и его гордость. Стоитъ только разсмотрѣть наружность верблюда, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не знаю, такимъ-ли вышелъ верблюдъ изъ рукъ Творца, или тысячелѣтняя борьба съ нимъ человека обработала его въ такую неуклюжую и вмѣстѣ безцѣльную машину, въ такого удобнаго урода.

Силища, не мѣряющая себя, не считающаяся, глядитъ во всякомъ членѣ; размѣры все какіе-то чудовищные. Вспомните

глазъ какъ будто не привыкъ къ звѣрямъ подобнаго калibra и невольно видитъ въ нихъ запоздавшихъ собратьевъ тѣхъ мастодонтовъ, мамонтовъ, мегалотеріевъ и разныхъ другихъ исполиновъ, колоссальные останки которыхъ мы открываемъ иногда въ геологическихъ могилахъ. Верблюдъ въ одно и то же время напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьей, лицо—овечье: оно совсѣмъ голое; уши и волосы какъ у человѣка. Есть что-то древнеегипетское въ умномъ и сурово-равнодушномъ взглядѣ верблюжьяго лица. Кажется, будто онъ все понимаетъ и будто презираетъ васъ. Кажется, что онъ сознаетъ свою силу, свою пользу, свою незаменимость; сознаетъ, что исполняетъ свой священный долгъ. Оттого, можетъ быть, такъ презрительнъ его взглядъ, такъ величественны и неторопливы его движенія. Вы видите не невольника, а фанатика работы. Мнѣ кажется, въ восточномъ рабствѣ есть частичка этого фанатическаго взгляда на долгъ, на послушаніе...

Ранней весной, на худые и костлявые горбы верблюда, на это естественное его сѣдло, словно наброшена косматая, медвѣжья шуба: такъ обросъ онъ за зиму шерстью. Такіе же тулупы мотаются у него подъ шеей и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ.

Шея страшной силы и длины просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой серединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему незачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работающей позѣ. Какъ горбы его просятъ вьюка, такъ шея его проситъ ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ полную самостоятельность. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слышать, длиннымъ ноздрямъ—обонять. Верблюдъ не поглощенъ весь своею работою, не подавленъ своею ношею; на ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости и съ

философскимъ спокойствіемъ наблюдаетъ суетный міръ, обратившій его въ машину для перевозки.

Но въ чемъ особенно выказывается страшная рабочая сила верблюда—это въ его ногахъ. Переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя—не ноги, а просто толкачи для мѣсенія песка. Копыта на нихъ—цѣлыя бѣды. Не знаю, чего не раздавить такая пара ногъ и когда она утсмится! Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкаютъ, какъ рессоры, высокоподобранный задъ, весьма усиливая этимъ размѣръ и быстроту шага. Переднія, лямовыя, тащутъ; заднія подталкиваютъ. Вся снасть верблюда подходящая къ ногамъ: языкъ и губы, жесткіе какъ мозоли, способны съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки и рѣпы, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другаго животного; такой же терпкій желудокъ. Обшить верблюда тепло и дешево, не промокаетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свѣнченъ. Машина надежная, заведенная надолго: шагать—прошагаетъ не останавливаясь двое сутокъ; голодать—проголодаетъ хоть шестеро; телѣгу подавайте въ двѣ сажени длиной, возъ сѣна на телѣгу—цѣлый стогъ. Этотъ горбатый уродъ—спартанецъ по рожденію, безъ Ликурговыхъ пособій; онъ охотникъ только до жесткаго, до тяжелаго; онъ, по своему странному праву, любитъ все то, что составляетъ мѣру остальному живущему. Въ этомъ—неоцѣнимое достоинство верблюдовъ.

Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо, одинъ за другимъ: дружно, серьезно и увѣренно поднимаютъ они свои могучія лапы, безучастно поглядывая ветхозавѣтными фizioноміями на проѣзжихъ, а за ними легко, какъ пустая телѣжка, катится огромнѣйшій возъ.

Верблюдъ можетъ нести на себѣ отъ 14 до 18-ти пудовъ, такъ что средняя норма нагрузки принята въ 16 пудовъ. Одного горбый верблюдъ, „наръ“, выносить и 20 слишкомъ, но такихъ верблюдовъ немного. Товаръ навьючивается на верблюда равномерно на обѣ стороны черезъ сѣдло (особаго устройства; для всадниковъ дѣлается съ высокой лукой);

каждая такая половина вѣситъ немного больше или меньше восьми пудовъ и называется „тай“. Въ количество вѣса „тая“ включаются и веревки, которыя—на одного верблюда—вѣсятъ около 13 фунтовъ. Вѣсъ товара опредѣляютъ количествомъ везущихъ его верблюдовъ и, живя въ Туркестанѣ, вы будете не мало удивлены, если вамъ скажутъ, что пришелъ товаръ вѣсомъ въ сто съ половиною верблюдовъ; эту половину составляютъ молодые и малосильные верблюды, которые больше двухъ „полу-тайковъ“ нести не могутъ. Кромѣ половины, есть еще и три четверти. Вообще же принято нормой считать верблюда за 16 пудовъ товару.

Возчики-киргизы („лаучи“) выходятъ партіями въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верблюдовъ, смотря по готовности товара къ отпавкѣ. Съ каждой такой партіей идетъ „караванъ-банъ“ (караванный начальникъ, въ просторечномъ переводѣ—глава каравана), приказчикъ купца, отправляющаго товаръ, а иногда еще и переводчикъ (толмачъ). Этотъ послѣдній, впрочемъ,—въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ присутствіе его нужно, главнымъ образомъ, въ таможенныхъ, а тамъ почти всегда есть свой, развѣ отлучится въ степь съ таможенными чиновниками („закетчи“) по дѣламъ службы. Что касается присутствія прикащика, то оно необходимо вотъ почему: киргизъ-возчикъ получаетъ, положимъ, два „тая“ по 8½ пудовъ каждый, полпуда съ „тая“ сбрасывается ему на усущку. Киргизъ отправляется по на пути заѣзжаетъ въ аулъ; здѣсь онъ развьючиваетъ верблюдовъ и гоститъ два-три дня, а иногда и болѣе. Событисъ-ли онъ или грѣхъ этотъ обуяетъ его сосѣда, только мѣшокъ съ хлопкомъ распарывается, изъ него вынимается нѣсколько фунтовъ, а на ихъ мѣсто, для вѣса, вкладывается въ середину „тая“ хорошій кусокъ глины; потомъ мѣшокъ зашивается снова и возчикъ преспокойно отправляется дальше. Начинаются степныя жары, доходящія нерѣдко до +48°R, хлопокъ сильно усыхаетъ, такъ что по прибытіи на мѣсто не оказывается цѣлаго пуда. Во избѣжаніе недостатка въ вѣсѣ, киргизы-возчики верстахъ

въ 150-ти отъ пункта сдачи обливаютъ „тай“ водой; вода отъ жары понемногу испаряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ хлопокъ начинаетъ гнить, перегорать, сѣмя, или „орѣшокъ“ разбухаетъ, а вата принимаетъ желтый оттѣнокъ. Такъ или иначе, а хозяинъ терпитъ убытокъ. Ни обязательствъ, ни контракта, ни условій—ничего нѣтъ *).

Вотъ во избѣжаніе подобныхъ то безпорядковъ, обыкновенно, и отправляется приказчикъ, въ присутствіи котораго возчики уже не смѣютъ отлучаться, или сворачивать караванъ въ сторону, а если и дѣлаютъ это съ его разрѣшенія, то уже безъ всякаго поползновенія на ввѣренные имъ товары.

III. Сборъ каравана.

Стояли первые дни іюня. Медлить болѣе было невозможно и я, высунувъ языкъ, бѣгалъ по кишлакамъ и ауламъ, чтобы собрать необходимое (по числу пудовъ товара) количество верблюдовъ. Возчики дорожились, выставя какія-то крайне неопредѣленные причины, вѣрить въ которыя просто не хотѣлось. Въ особенности долго тянулъ меня мулла таджикъ Казанджиковъ.

— Что-жъ, мулла, нанимаешься что-ли? говори прямо, а то тянешь-тянешь, только время съ тобой теряю?!—спросилъ я его.

— Ни знай!—лаконически отвѣтилъ сѣдобородый таджикъ, а хитрые глаза совсѣмъ сощурились: хорошо зналъ, бестія, что конкурентовъ ему не очень много,—что хотѣлъ, то и просилъ.

— Вотъ те нѣ! если ты не знаешь, такъ кто-же знать-то будетъ, свинья, что-ли?—озлобился я.

— Цы, цы!.. зачѣмъ скверна слова скажишь...

*) Въ 70-хъ годахъ былъ случай, что одинъ изъ богатѣйшихъ бухарскихъ собственниковъ, Шарифъ-Ходжа, отправившій изъ Бухары въ Россію 73,000 пуд. хлопка, потерялъ слишкомъ 60,000 рубл. серебра въ одинъ разъ.

— Ничего тутъ сквернаго нѣтъ, вѣдь ты хоть самого черта такъ изъ терѣнія выведешь!! Что ты мотаешься-то, словно бѣсъ въ рукомойникѣ, э-эхъ! а еще мулла, акъ-сакаль (бѣлая борода)!—укорялъ я его.

— Бульна опасно... Алимкулка бунтуетъ!—увильнувшись снова мулла Казанджиковъ, намекая на разбой славившагося въ тѣ времена батыря Алимкула.

Этотъ маневръ однако-жъ только болѣе поддалъ мнѣ задору: ужъ очень много слыхалъ я про подвиги степного разбойника, хотя и плохо вѣрилъ въ этого, почти сказочнаго киргиза.

— Ну такъ что-жъ Алимкулъ,—эка птица какая! вамъ это онъ страшенъ, а для меня тьфу!—вотъ и все!—задорно возражалъ я.

— Алимкулка-то?! ой, ой! бульна сердитъ; она многа шиновна рѣзилъ! такъ мелко-мелко, совсимъ чучь-паръ *) дѣлалъ!—объяснялъ почтенный мулла, а глаза его такъ и искрились отъ восторга.

Я отлично понималъ, что хитрый таджикъ всю эту механику подводилъ не для чего иного, какъ выторговать лишній рубль. Однако дѣлать было нечего, кромѣ его верблюдовъ другихъ пожалуй что и не найти, да и отправляться было давно пора.

— Неужели ты нисколько не уступишь, вѣдь твоя цѣна совсѣмъ несуразная! побойся Бога-то!—началъ я было увѣщевать Казанджикова. Но онъ понесъ опять какую-то ахиною про Алимкулку, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего привелъ новую причину: „Зима балшой былъ!“

Я не сталъ болѣе торговаться, видя совершенную невозможность побѣдить упрямство „проклятаго дикаря“, и сразу надбавилъ цѣну почти въ полтора раза, послѣ чего пріятель мой немедленно согласился и въ видѣ вѣщаго

*) Тоже что и русскіе пильмени, только гораздо болѣе и защипываются вродѣ пирожковъ; варятся не въ водѣ, а посредствомъ пара. Очень вкусное кушанье, сильно впрочемъ приправленное перцемъ.

удостоверенія въ своей благонадежности, сильно шлепнул ладонью своей руки объ мою, что, кстати сказать, составляет необходимѣйшій у киргизовъ, сартовъ и другихъ туземныхъ обитателей актъ при всякихъ купляхъ-продажахъ и иныхъ подобныхъ сдѣлкахъ, замѣняя нотаріальное условіе.

— Утромъ, чимъ свѣтъ, берблюдъ будетъ!—пообѣщавъ онъ и мы разстались.

Хлопокъ у меня былъ давно приготовленъ, т. е. упакованъ и дѣло стояло только за верблюдами.

IV. Мои спутники.

Кромѣ меня, въ нашемъ караванѣ было еще двое русскихъ: переводчикъ, яицкій казакъ-линеецъ Иванъ Левашевъ, давно впрочемъ утратившій свое русское имя и извѣстный на сотни верстъ подъ полу-русскимъ, полу-киргизскимъ титуломъ Иванъ-бай *). Это былъ сѣдовласый старикъ, чисто казачкаго покроя, высокій, широкоплечій, съ затылкомъ вола, съ большою бородой, раздѣлявшею его темное огрубѣлое лицо на двѣ половины, и съ большими красивыми глазами, изъ-подъ которыхъ скуловатые кости сильно выступали впередъ. Этотъ наружный видъ, а равно костюмъ (Левашевъ одѣвался въ киргизскій халатъ и малахай) и, наконецъ, постоянный разговоръ на туземномъ нарѣчій, которымъ Левашевъ владѣлъ въ совершенствѣ,—заставляли многихъ принимать Иванъ-бая за чистокровнаго номада.

Онъ обладалъ колоссальными кулаками, но никто не могъ пожаловаться на то, чтобъ кулаки эти причинили когда-либо кому-нибудь вредъ. За то ругаться Левашевъ любилъ до страсти. И, странное дѣло, въ этихъ случаяхъ

*) Бай—трудно переводимое слово, нѣчто вроде «хозяина», или «господина». Туземцы почти къ каждому имени прибавляютъ эту частицу, желая вѣроятно выразить болѣе почтеніе: Мурза-бай, Хакимъ-бай, Наурузъ-бай и проч.

онъ прибѣгалъ уже исключительно къ родному діалекту, находя, вѣроятно, что на этомъ языкѣ можно болѣе подобрать крѣпкихъ словъ, особенно если упоминаются родители оппонента...

Левашевъ служилъ у одного со мной хозяина въ качествѣ переводчика и извѣздилъ буквально весь Туркестанскій край; въ общемъ онъ представлялъ чрезвычайно любопытнаго субъекта съ темнымъ, загадочнымъ прошлымъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, водки Иванъ-бай совершенно не пилъ, за то табакъ не только курилъ и нюхалъ, но даже постоянно клалъ изрядную щепоть его за щеку, что вообще, къ слову сказать, въ большомъ употребленіи въ Туркестанскомъ краѣ. Кисеть съ табакомъ-махоркой и особая изъ тыквы бутылочка для «носоваго» висѣли у него за поясомъ, а трубка была вѣчно въ зубахъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Иванъ-бай хотѣлъ ругаться, онъ не вынималъ ее, а только особымъ движеніемъ губъ сдвигалъ къ одному углу рта и съ такой яростью нападалъ на соперника, что тотъ, обыкновенно, всегда оставался побѣжденнымъ.

Другой мой соплеменникъ былъ нѣкто Семенъ Никитичъ Телѣжниковъ, выходецъ изъ Великаго Устюга; жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ташкентѣ приказчикомъ, понакопилъ денегъ и возвращался во свояси, чтобы на родинѣ заняться «своимъ дѣломъ», по его выраженію. Хотя точно онъ и не опредѣлялъ, что это за «свое дѣло», но съ перваго же раза можно было безошибочно заключить, что этотъ пронырливый молодецъ ни на что болѣе не способенъ, какъ стоять за прилавкомъ съ аршиномъ въ рукахъ и спрашивать со сладкой улыбкой: «Чего изволите-съ? Что покупаете-съ?» Типъ извѣстный и на Руси довольно распространенный. Если прибавить къ этому, что Семенъ Никитичъ былъ весьма набоженъ и въ разговорѣ любилъ ссылаться на различные тексты изъ Священнаго Писанія, то портретъ его будетъ совершенно готовъ. Любилъ онъ также почти къ каждой фразѣ прибавлять слова: «это», «знаете», «того» и проч.; въ разговорѣ не то заикался, не то торопился скорѣе выска-

заться, для чего и прибѣгалъ къ означеннымъ выше словечкамъ, поясняя въ тоже время свою рѣчь отчаянной жестикуляціей рукъ и даже всего корпуса.

Довольно любопытенъ былъ первый его визитъ ко мнѣ. Какъ-то однажды по утру я сидѣлъ въ конторскомъ кабинетѣ и пилъ чай, вдругъ въ передней кто-то осторожно кашлянулъ, затѣмъ потопалъ ногами и вообще различно выражалъ свое присутствіе.

— Кто тамъ? Войдите!—пригласилъ я.

Дверь осторожно отворилась и маленькая, плюгавенькая фигурка перешагнула высокій порогъ кабинета, затѣмъ робко, бочкомъ, какъ-то по воробыному, подошла къ столу.

— Здра-сте, Николай Ивановичъ! я знаете это... потому какъ получивши это извѣстіе... того, знаете... наслышались... Павла Кондратьича Густолѣсова изволите знать?—вдругъ задала мнѣ фигурка вопросъ, путаясь и заикаясь.

Я чуть не покотился со смѣху. Смѣшнѣе этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ: вошедшій былъ маленькій, юркій человѣчекъ съ выпученными какъ у рака и въ то же время шмыгающими глазками, красной, словно выкрашенной сурикомъ, бороденкой и съ лицомъ, сильно изрытымъ оспой. Онъ размахивалъ руками, кивалъ головой, скалилъ зубы, какъ-то вилялъ и вообще чрезвычайно походилъ на собаченку, которая ластится около ногъ, боясь, чтобъ ее не пнули, не ударили, и желаетъ своимъ рабскимъ, униженнымъ видомъ расположить въ свою пользу.

Одѣтъ былъ Телѣжниковъ въ коротенькій, бумазейный горохового цвѣта „спилжакъ“, красные изъ козьей кожи штаны, заправленные за порывѣвшія голенища сапогъ и громаднѣйшую, не менѣе аршина въ діаметрѣ, дунганскую шляпу. Весь этотъ костюмъ и самъ владѣлецъ его прежде всего возбуждали самое веселое настроеніе. Однако, едва сдерживая себя я отвѣчалъ по возможности серьезно.

— Ни Павла Кондратьевича, ни васъ—извините—не имѣю чести знать. Съ кѣмъ, позвольте спросить...

— Помилуйте-съ! это даже удивительно-съ, знаете... ови, Павелъ Кондратьичъ весьма очень извѣстные коммерсанты, знаете... это, того, какъ его...—перебилъ меня плюгавенькій человѣкъ, приходя въ неописанное изумленіе, какъ это я не знаю извѣстнаго коммерсанта Густолѣсова.

— Не слыхалъ!.. Такъ собственно вамъ-то я чѣмъ могу быть полезенъ?—снова спросилъ я.

— А мы ихъ, это, приказчикъ, знаете того, этого... на отчетѣ лавку, знаете, содержали; а нынѣ возымѣли это того, знаете, желаніе повидать свою родительницу, знаете...

Я окончательно ничего не понималъ. Приходилось задавать категорическіе вопросы:

— Ваша фамилія какъ?

— Телѣжниковъ, Семенъ Никитичъ Телѣжниковъ... проживали мы, знаете, того этого, какъ его... по паспорту въ городѣ Ташкентѣ, а нынѣ, знаете, это очинно хотимъ родительницу свою повидать, потому знаете какъ это, того... въ Писаніи отъ святыхъ отецъ сказано: чти отца твоего и мать... родительница у насъ старушка весьма даже престарѣлая... повидать желательно...

— Очень похвальное намѣреніе, но я то при чемъ тутъ? Что вамъ отъ меня угодно?

— Потому какъ, знаете, извѣстились мы... это, что вы Николай Ивановичъ, въ патюшество это изволите вояжировать... съ караваномъ.

— Да-а! Вотъ что! Дѣйствительно я на дняхъ думаю отправляться, давно уже пора да вотъ верблюдовъ все не могъ подыскать. Цѣны такіа лунятъ, что просто слышать страшно... Такъ вы со мной желаете ѣхать? Да садитесь пожалуйста, что-жъ вы стоите-то!..

— Извѣстно, мошенники! это, знаете, мы ихъ, можно сказать, буквально понимаемъ... И въ Писаніи сказано: не мечите бисера!..

Я только ротъ отъ удивленія разинулъ.

— Т. е. кто мошенники? вы о комъ говорите?

— Эти самые верблюжники. Мы, знаете, это, Николай

на ривадакъ.

Иванычъ, тоже дѣла съ ними всяческія происходили, довольно знаемъ...

Оказывалось, что гость хотѣлъ мнѣ посочувствовать, что вотъ, молъ, какъ трудно найги караванныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и попалъ въ самую чувствительную струну. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ сочувствіе посторонняго къ вашему горю. Вы, обиженные какой-нибудь житейской неудачей, чрезвычайно обрадуетесь, когда встрѣтите человѣка понимающаго и раздѣляющаго ваше горе. Я, по крайней мѣрѣ, сталъ смотрѣть на своего гостя совсѣмъ иными глазами.

При дальнѣйшей бесѣдѣ выяснилось, что онъ желалъ въ караванѣ вмѣстѣ со мной доѣхать до Орска, гдѣ у него было какое-то „первѣющей важности“ дѣло, чтобы оттуда отправиться на родину въ Великій Устюгъ. Лишній человѣкъ, да еще русскій, не только не могъ помѣшать мнѣ, но былъ даже весьма желателенъ: все же веселѣе скучать въ такомъ долгомъ пути.

— Только вотъ что, господинъ Телѣжниковъ, вы можете не скоро еще соберетесь, а вѣдь я положительно на дняхъ ѣду, рѣшилъ ужъ и за цѣной не стоять: хоть и дорого, а ничего не подѣлаешь.

— Помилуйте-съ, весьма очинно пріятно даже... знаете, и это и расчетъ получилъ отъ Павла Кондратыча... можно сказать, совсѣмъ, знаете, собрался, только...

Видя, что господинъ Телѣжниковъ замаялся, я спросилъ:

— Что только?

— Извольте видѣть... можетъ обидно покажется, но это... какъ передъ Истиннымъ Богомъ... не при деньгахъ... этого того, какъ его... касательно напимѣрно, цѣны? то ись, значить за провозъ сколь положите?

— Такъ я то при чемъ тутъ? вы попросите арбакаша Казаиджикова,—я у него нанимаю верблюдовъ,—ему вѣдь все равно, по пути; лишній человѣкъ не будетъ въ тягость.

Гость вдругъ какъ-то сжался, съѣжился, сдѣлался еще меньше и завилалъ всею фигуркой.

— Нѣтъ, Николай Иванычъ, знаете, явите это Божескую милость! потому какъ намъ не сподручно... при тоже не при деньгахъ-съ!.. Сами извольте видѣть-съ, дорога весьма очень пространственная, при томъ же хотѣлось родительницѣ что нинаестъ привезти, знаете, въ домъ, то ись это... того... я, Николай Иванычъ, знаете, дорогой помогу вамъ, въ случаѣ, этого того...

— Да мнѣ, въ сущности, все равно, конечно... Ну, а сколько же вы можете дать за дорогу?—спросилъ я совсѣмъ ужъ скорчившагося при этомъ вопросѣ Телѣжникова.

— Девять рублей-съ, знаете, извольте получить это, напимѣрно...

— Да онъ положительно идиотъ! За такую дорогу предлагаетъ девять рублей и почему именно девять?! — подумалъ я,—право, идиотъ!

Прежде чѣмъ мы покончили и условились относительно платы, прошло еще добрыхъ полчаса. Телѣжниковъ божился, распинался, вилялъ всею фигурой и торговался такъ отчаянно, словно онъ отстаивалъ собственную жизнь. Наконецъ, въ виду усиленныхъ просьбъ, вѣря, что онъ дѣйствительно „не при деньгахъ“, я согласился взять его съ собой за двѣнадцать рублей.

— Ну, вотъ и очинно расприкрасно! Знаете, вамъ Богъ поможетъ за это, Николай Иванычъ, того этого... да и ѣхать, напимѣрно, вдвоемъ совсѣмъ другой коленкоръ выходить-съ, знаете... а теperча извольте это, задатокъ того этого получить!..

При этомъ Телѣжниковъ отвернулся въ сторону, вытащилъ изъ кармана большой красный платокъ и, предварительно порывшись среди кипы какихъ-то бумагъ, извлекъ три рубля и обратился ко мнѣ:

— Зелененькую гумажку извольте получить, знаете, по обнаковенію, этого того...

Я взялъ и еще разъ предупредилъ, что скоро намѣренъ выѣхать и потому, чтобы онъ былъ готовъ.

— Въ самую глухую полночь хошь сегодня, знаете, это

*

расположенъ буду, потому какъ мы, значить, расчетъ получили и завсегда въ аккуратѣ это...

— Хорошо, хорошо! ну, а теперь, извините, мнѣ надо къ хозяину по дѣламъ сходить.

— До пріятнаго свиданія, Николай Ивановичъ, знаете, того, въ добрый часъ, это...

Мы разстались.

Казанджиковъ собственно былъ содержатель верблюдовъ, а можетъ и подрядчикъ; начальникомъ же нанятаго мною каравана явился киргизецъ Нысанъ-Кебековъ, олицетворявшій собою типъ настоящего степняка: длинная, рѣдкая, сѣдая борода обрамляла скуластое лицо, узкіе наискось разрѣзанные глаза свѣтились природнымъ умомъ и отъ всей фигуры муллы Нысанъ-бая вѣяло почтенностію. Кебековъ довольно хорошо говорилъ по-русски, хотя конечно съ акцентомъ; караваны сопровождалъ почти во всѣ стороны: бывалъ въ Бухарѣ, бывалъ въ Оренбургѣ и даже не разъ заглядывалъ въ Нижній-Новгородъ; однимъ словомъ, тертый калачъ былъ караванъ-башъ Нысанъ бай Кебековъ.

Верблюдовъ въ нашемъ караванѣ насчитывалось тридцать семь, да двое киргизовъ ѣхали на лошадяхъ. Кромѣ того, два наманганскихъ сарта имѣли ишаковъ (ословъ); сарты эти впрочемъ ѣхали до перваго караванъ-сарая, откуда путь имъ лежалъ совсѣмъ въ другую сторону. Левашевъ также явился на своемъ „карабаирѣ“ *). Эта была совсѣмъ ворона, безъ отмѣтки, лошадь, какъ будто покрытая чернымъ атласомъ, съ черными же, искрящимися глазами и сухой типичной горбоносой головой. За спиной Иванъ-бая висѣла винтовка въ чехлѣ изъ мохнатого бурочнаго сукна, черезъ плечо—шашка въ потрескавшихся кожаныхъ ножнахъ, а за поясомъ торчали два кремневыхъ пистолета, да на ремнѣ болтался кривой, отточенный какъ бритва, ножикъ.

Я долженъ еще отмѣтить повара Кулпашку и мальчугана узбека Козюгана Басантіева. Всего же нашъ караванъ состо-

*) Помѣсь отъ туркменскаго производителя и киргизской матки.

ялъ изъ 16 киргизовъ, насъ троихъ русскихъ и таджика-муллы Саидъ-Басмана.

Душой этого небольшого каравана являлся Басантіевъ. Это былъ всего лѣтъ четырнадцати мальчикъ, обладавшій необычной живостью ума и подвижностью тѣла. Всякое его слово и всякое движеніе вызывали смѣхъ и вообще онъ являлся въ караванѣ самымъ неистощимымъ источникомъ веселости и остроумія. Но объ немъ, впрочемъ, послѣ.

V. Начало пути.

7-го іюня 1872 года, въ шестомъ часу утра мы оставили городъ.

Прощай, Ташкентъ! часто я покидалъ тебя; казалось, могъ бы и свыкнуться съ той разлукой, а все-таки каждый разъ, когда я оставлялъ позади себя золотой крестъ церкви, а затѣмъ пестрый шлагбаумъ, бывало какъ то неловко въ груди, а на этотъ разъ сердце щемило еще больше обыкновеннаго ..

Миновавъ русскую часть города, мы въѣхали въ узкія Улицы Старога Ташкента. Потянулись чужалы (глинобитные заборы), почти сплошь залитые яркою зеленою тополей, ветль, карагачей, айлантусовъ, кленовъ, акацій, глицій, бигоній и проч. Домовъ не было видно совсѣмъ: они затерялись въ лабиринтѣ маленькихъ дворовъ и ни одно окно не выходило на улицу изъ-за стѣнъ этихъ послѣднихъ. Совершенный востокъ, гдѣ внутренняя жизнь человека глубоко сокрыта отъ постороннихъ взоровъ и гдѣ всего яснѣе опредѣляется раздѣленіе общества на семейства, какъ было во времена патриархальныхъ.

Стѣны, окружающія дома, сдѣланы не столько для защиты отъ воровъ, сколько для огражденія отъ любовныхъ подмигиваній сосѣдей, вѣчно злоумышляющихъ въ этомъ отношеніи (въ Туркестанѣ вообще взгляды на женщину, даже на нѣкоторомъ разстояніи, считается безчестіемъ).

Вскорѣ мы попали на базаръ. Толпы туземцевъ буквально загрохотали площадь. Несмотря на ранній часъ утра, уличная жизнь была уже въ полномъ разгарѣ: неумолчный шумъ, трескотня, отрывистые звуки гортаннаго сартовскаго нарѣчія рѣзко поражали ухо. У нѣкоторыхъ лавокъ, тутъ же на улицѣ, были устроены небольшія кузницы, гдѣ выдѣлывались разныя мелкія вещи. Самые товары расположены въ строго систематическомъ порядкѣ: тутъ тянулся рядъ исключительно мѣдныхъ, блестящихъ кумгановъ*), далѣе цѣлая коллекція фаянсовыхъ чашекъ, тамъ пестрѣли различныя восточныя ткани, а рядомъ—арсеналъ холоднаго оружія различнаго образца и размѣра, начиная отъ длиннаго, тяжелаго, великолѣпной чеканки, хороссанскаго**) клинка, и кончая небольшимъ кривымъ, стальнымъ ножикомъ. Груды фруктовъ: персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, гранатовъ, дынь, арбузовъ и проч. наполняли воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Но всего интереснѣе былъ отдѣлъ войлочныхъ издѣлій: поистинѣ надо было удивляться, чего-чего не выдѣлываетъ сартовскій кустарь изъ верблюжьей шерсти. „Развѣ только каши не варить!“ — какъ справедливо замѣтилъ Левашевъ. Между тѣмъ какъ толпа глухо шумѣла и гудѣла, продавцы разныхъ разностей какъ будто силились заглушить и ее, и другъ друга, и ревъ верблюдовъ, и пронзительное ржаніе муловъ. Кто звенѣлъ въ тазъ, кто гудѣлъ въ рогъ, кто щелкалъ желѣзными плитками, кто ревѣлъ своимъ и не своимъ голосомъ. Какой-то нищій, растянувшись во все тѣло подлѣ одной лавки, стоналъ что есть силъ, желая обратить на себя вниманіе. Это—дувона (юродивый). И все это тѣснилось, шумѣло, сталкивалось другъ съ другомъ, путалось въ стадѣ прогоняемыхъ тутъ же барановъ; собаки шныряли между народомъ, голодные, взломанные, понутивъ головы и жалобно завывая.

*) Мѣдный, высокій кувшинъ, чеканной работы, служащій главнымъ образомъ для омовенія.

**) Хороссанъ — сѣверная провинція въ Персіи, извѣстная по выдѣлкѣ дорогихъ шапекъ.

Мы едва выбрались изъ этого ада. Съ удаленіемъ отъ базарной площади, улицы становились все пустыннѣе и пустыннѣе; но вотъ кончились дворы и только изрѣдка попадались отдѣльные кишлаки — признакъ, что городъ миновали. Поля, разстилавшіяся между кишлаками и дорогой, были покрыты сѣтью небольшихъ арыковъ и пересѣчены множествомъ глинобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другаго.

Немного далѣе мы поѣхали низменными долинами, сплошь засѣянными рисомъ (шалы), ежеминутно стоняя черногузокъ*), которыя, сильно хлопая крыльями, взлетали кверху и съ унылымъ клетаньемъ кружились надъ нами. Наконецъ, кончилась и болотистая мѣстность, за ней мертвые солончаки и степь (чуль) съ мѣстной флорой (бизгунъ, кукпекъ, жусланъ) раскинулись на сотни верстъ. Гдѣ только глазъ могъ окинуть пространство, все степь и степь, производящая самое безотрадное впечатлѣніе мертвой пустыни. Впрочемъ, въ первый день признаки близости города еще не совсѣмъ исчезли: то и дѣло попадались верховые всадники, арбакеши; временами слышалось мѣрное звяканье бубенчиковъ и на дорогѣ показывался медленно двигавшійся на тощемъ ишакѣ загорѣлый, убого одѣтый киргизъ, или сартовскій мулла. Гдѣ-то далеко впереди раздавался странный, рѣжущій ухо скрипъ — такъ кричатъ журавли, когда тянутъ высоко надъ землею, — а въ скоромъ времени показался и источникъ этого страннаго звука — азіатская, двухколесная несмазанная арба, высоко нагруженная снопами клевера.

Мы поравнялись. Арбакешъ, заидѣвъ русскаго „тюру“ привѣтливо раскланялся.

— Это можетъ быть послѣдняя арба! — почему-то подумалось мнѣ, и я съ любопытствомъ принялся ее разглядывать, какъ будто до этого времени никогда и въ глаза не видѣлъ подобнаго экипажа. Въ самомъ дѣлѣ, было любопытно: несмотря на небольшой размѣръ прилаженной надъ

*) Ансты—священный для магометанъ птица.

осью платформы, она была так ловко нагружена, что вмѣстала не менѣе сноповъ, чѣмъ и нашъ обыкновенный, крестьянскій возъ. Снопы далеко свѣшивались назадъ, а впередъ выступали настолько, что закрывали впряженную въ арбу лошадь почти до самой головы, поддерживаясь искусно придѣланными къ платформѣ жердями. Вслѣдствіе этого издали, покуда еще ничего нельзя было разсмотрѣть кромѣ массы наваленныхъ сноповъ, громадныхъ колесъ арбы, да двигающихся подъ снопами прикрытыхъ ими ногъ лошади, получался очень странный видъ: точно какое-то исполинское наѣзкомое, скрипя, двигалось по степи...

Мы разъѣхались, а я все продолжалъ глядѣть вслѣдъ удалявшейся арбѣ, но вотъ она исчезла, а вскорѣ замолкъ и скрипъ,—и снова предъ глазами безбрежные пески. Въ первые три дня путешествія величественное, безпредѣльное безмолвіе степи—безмолвіе могильное—произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ, не сводя глазъ, въ пространство предъ собою, и такъ какъ спутники мои—киргизы воображали меня погруженнымъ въ религіозныя созерцанія, то меня очень рѣдко тревожили. Будто сквозь сонъ я видѣлъ, какъ во время пути нѣкоторые изъ членовъ нашего каравана дремали, покачиваясь на верблюжьихъ спинахъ, и доставляли и своими движеніями и тревожными вздрагиваніями, время отъ времени, крайнее удовольствіе остальной нашей бодрствовавшей компаніи. Желавшіе поспать налегали обѣими руками на высокую сѣдѣльную шишку, но это не мѣшало имъ весьма частенько стучаться подбородкомъ о сѣдло съ такою силою, что даже зубы щелкали, а не то — и сами сѣдоки при сильныхъ толчкахъ, стремглавъ, летѣли съ сѣдла на раскаленный песокъ. Эта эквилибристика вызывала всегда искренній хохотъ въ компаніи. Упавшій долженъ былъ въ продолженіе дня выносить перекрестный огонь насмѣшекъ и шутокъ. Въ особенности это потѣшало мальчугана Басантіева, который, несмотря на то, что подъ его вѣдѣніемъ находился одинъ навьюченный верблюдъ, но большей части шелъ пѣшкомъ

и, бѣгалъ вправо и влево, пугалъ криками табуны дикихъ ословъ (ишаковъ) и муловъ (хачиръ) показывавшихся по временамъ на окраинахъ дороги.

Ишаки въ дикомъ видѣ встрѣчаются преимущественно въ окрестностяхъ Ташкента. Киргизы Казалинскаго уѣзда, какъ наиболѣе земледѣльческаго района, ловятъ ихъ, приручаютъ и разводятъ въ изрядномъ количествѣ. Несмотря на свой маленькій ростъ (до 6 четвертей) ишаки очень сильны и легко несутъ грузъ въ восемь пудовъ, почему въ домашнемъ хозяйствѣ употребляются какъ верховыя и вьючныя животныя, представляющія ту выгоду, что чрезвычайно нетребовательны въ пищѣ, приближаясь въ этомъ къ верблюдамъ. Наибольшую пользу ишаки приносятъ горнымъ жителямъ, которые формируютъ изъ нихъ караваны для перевозки товаровъ и хлѣба по узкимъ горнымъ тропамъ, идущимъ по карнизамъ скалъ и ущелій.

VI. Первый ночлегъ.

Дрожитъ прозрачный воздухъ надъ раскаленною полуденнымъ солнцемъ пустынею, бѣжитъ легкою, волнистою струйкою по буграмъ отдаленныхъ песковъ... Выше и выше солнце, сильнѣе сухой жаръ, въ воздухѣ не шелохнетъ, замерло все. Но вотъ шелохнулся горячій воздухъ, закрутился маленькій вертунецъ, собралъ легкую пыль и быстро побѣжалъ спиральнымъ столбикомъ... Черезъ минуту вихрь уже далеко, разросся въ рѣзко очерченный, упругій столбъ съ круглымъ облакомъ сѣрой пыли на верху,—и опять тишина; отдаетъ жаромъ раскаленная почва, спитъ молчаливая степь подъ томительнымъ зноемъ...

Изъ небольшой ложбинки, среди степи, показалось какое-то животное. Остановилось, посмотрѣло, затѣмъ пронало на минуту за изгибомъ мѣстности и вдругъ снова бойко вынеслось на ровную степь. „Это ишакъ!“—закричалъ Басантіевъ, молча до сего всматривавшійся своими узкими, невѣроятно зоркими глазами, и съ дикимъ гикомъ понесся на

встрѣчу. Ишакъ совершенно спокойно и даже нѣсколько удивленно смотрѣлъ на насъ, затѣмъ круто повернулъ, надалѣ задомъ и моментально исчезъ за бархавами.

— Что, другъ, не поймалъ?—спросилъ я вернушагося мальченку. Тотъ разсмѣлся, показавъ при этомъ бѣлые перламутровые зубы и что-то быстро-быстро залопоталъ по своему.

Выше поднималось солнце на яркo-синемъ небѣ, сильнѣе разгорался зной надъ степью, дремота начала одолевать меня съ такой силой, что я не помню, какъ свернулся кубаремъ полетѣлъ въ песокъ...

Къ вечеру первого дня мы остановились въ караванъ-сарай наманганскаго сарта Хусайна-Ширъ-Маметова.

Караванъ-сарай—это постоянные дворы для проходящихъ каравановъ, такъ сказать, степныя гостиницы самаго примитивнаго устройства. Представьте себѣ саклю, выведенную изъ сухихъ комковъ глины, смѣшанной съ саманомъ (мелко-рубленой соломой), сахою, которая огорожена на цѣлыя пять десятинъ высокимъ чуваломъ, образующимъ дворъ. Окно въ такихъ сакляхъ совсѣмъ нѣтъ, а свѣтъ проникаетъ черезъ дверь, постоянно открытую настежь, пробитую въ лицевой части, выходящей на дорогу. У одной изъ стѣнъ каждаго такого помѣщенія находится широкая труба или пробитая въ самой стѣнѣ, если послѣдняя достаточно толста, или, если стѣна тонка, то выѣленная изъ алебаstra съ внутренней ея стороны. Тутъ практикуется кипяченъе чайниковъ и варится пловъ и кавардакъ *), словомъ, это кухня. Посреди каждай сакли находится вырытое въ землѣ, часто выложенное жженымъ кирпичемъ, небольшое, аршина полтора въ діаметрѣ, четырехъугольное углубленіе; въ холодное время сюда насыпаются горячіе угли, надъ ними ставятъ большую квадратную скамью, которую покрываютъ ватнымъ одѣяломъ, спускающимся до земли и задерживающимъ тепло, исходящее отъ углей. Сюда-то

*) Жареное изрѣзанное мелкими кусками мясо

ерезябшіе туземцы, въ зимніе холода, усѣвшись вокругъ, прячутъ свои ноги и кисти рукъ, защищая остальное тѣло отъ холода толстыми ватными халатами. Низкій потолокъ сакли, представляющій снаружи плоскую крышу, состоитъ изъ нѣсколькихъ балокъ, положенныхъ поперекъ продольныхъ стѣнъ сакли, покрытыхъ камышевыми плетенками и смазанныхъ сверху болѣе или менѣе толстымъ слоемъ глины все съ тѣмъ же саманомъ.

Передъ самой саклей дѣлается обыкновенно терраса, полъ которой застилается камышевыми плетенками. Наружныя стѣны Хусайнова караванъ-сарая были покрыты арабскими надписями и узорами, сдѣланными не то изъ кафельнаго кирпича, не то изъ чего-то особеннаго. На плоской крышѣ сложены были пирамиды сноповъ *дженушки* *); на особо сдѣланномъ возвышеніи стояли рядомъ нѣсколько мѣдныхъ чистыхъ кумгановъ съ острыми рыльцами и фигурными ручками и крышками, наполненныхъ горячей водой, а на террасѣ, готовый къ услугамъ желающихъ, дымился чилимъ (среднеазиатскій кальянъ). Чилимъ дѣлается, обыкновенно, изъ особаго рода тыквы (чилимъ-каду), форма коей напоминаетъ длинноватый, грушеобразный флаконъ. Такіе флаконы вставляются въ мѣдную оправу и посятъ на себѣ иногда очень изящныя украшенія изъ бирюзы, граната, сердолика и серебряныхъ инкрустацій.

Скоро верблюды были развьючены и отпущены во дворъ, а мы, въ ожиданіи плова, попивали изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ зеленый индійскій чай. Киргизы о чемъ-то горячо разговаривали съ хозяиномъ, должно быть сообщали ему городскія новости, а Иванъ-бай, растянувшись на на-ласѣ, отчаянно затягивался изъ чилима. Послѣ ужина я улегся спать. Гостепріимный хозяинъ приготовилъ мнѣ постель на славу: на террасѣ, подъ открытымъ небомъ, постлалъ нѣсколько войлоковъ, покрылъ ихъ ватнымъ одѣяломъ, а въ головы положилъ матакъ (подушка-валець ци-

*) Луцерна.

линдрической формы), — и я заснул как убитый. На следующее утро, едва лишь заалела на восток небольшая полоска горизонта, мы оставили караван-сарай и отправились в путь.

Я далеко от мысли вести читателя день за днем, переѣзд за переѣздом, по всему пути от Ташкента до Орска, описывать направление дороги, расстояние между привалами и другие подробности, слишком однообразны и для него, и для путешественника. Благо, если путешественник любит природу, если он понимает ее величие и красоту и в состоянии увлечься ими. Но если его не интересуют ни скудное степное растение, ни обломок какого-нибудь камня, ни гряда облаков, ни брошенная тень от них, — то скучно будет ему, бедному, в этой обширной пустыне: каждый день все одно и то же, одно и то же; поневоле, сидя и покачиваясь между двух горбов верблюда, спишь до одурения...

VII. Бесѣды въ пустынь.

Совершенно чистый, бѣлый, слегка переходящий в желтизну, песок, как саваном покрыл печальную, безжизненную равнину; начались значительные наносы, постоянно увеличиваясь и заполняя собою окрестность. Барханы *) становились чаще и выше, но мы, несмотря на сыпучий песок, подвигались довольно быстро. Верблюды плавно шагали, ритмически позванивая бубенцами; впереди ѣхал Иванъ-бай, а в хвостѣ каравана гарцовали таджикъ Саидъ-Басманъ и поваръ Кулиашка верхом на лошадяхъ. Сарты, владѣльцы ишаковъ, остались в караван-сарай.

День прошел безъ особенныхъ приключеній, а ночью мы останавливались часа на полтора, даже не развьючивая верблюдовъ.

На третій день нашего путешествія, часамъ къ двѣнад-

*) Бугры изъ песка, напоминающіе извѣстныя дюны.

цати дня, жара достигла такой степени, что дышать становилось трудно. Куда ни кинешь взглядъ, всюду одни только мелкіе желтые пески (сары-кумы) и ничего болѣе. Выгорѣла жалкая трава, изъ песка тамъ и сямъ торчатъ такая-то щетина, — сверху синее безоблачное небо: совершенно какъ в морѣ. Я вынулъ было изъ хурджины (такъ называется переметная сума) взятую съ собою книгу, одинъ изъ тѣхъ наполненныхъ уголовщиной романовъ, коихъ госпожа Ахматова издала сотни, но на первыхъ-же строкахъ оставилъ явившееся намѣреніе почитать: мозгъ совершенно пересталъ функционировать, да и мѣрное покачиваніе верблюда, на которомъ я ѣхалъ, отчасти мѣшало процессу чтенія. Книга была положена на прежнее мѣсто, а я самъ началъ какъ-то неестественно покачиваться на сѣдлѣ, обнаруживая желаніе вздремнуть; въ глазахъ все стало какъ бы застилаться туманомъ, голова невольно склонялась и сознание оставляло меня... Но что это движется тамъ впереди? Да это верблюды... вонъ они тянутся одинъ за другимъ, качая своими длинными шеями, то опуская внизъ головы, какъ будто скусывая что-то по дорогѣ, то высоко ихъ поднимая, поглядываютъ по сторонамъ... какъ плавно шагаютъ, убаюкивая меня словно в люлькѣ...

Спалъ я довольно долго, какъ убитый и когда проснулся, то было уже часовъ 8 вечера. Солнце медленно опускалось за горизонтъ, обливая пурпуромъ синѣвшіе вдали гребни горъ (то были отроги Акъ-Уйрекского хребта — какъ объяснилъ мнѣ Нысанъ Кебековъ). Караванъ по прежнему медленно подвигался по безбрежному морю песковъ, но было замѣтно общее утомленіе и глаза всѣхъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотрятъ на караванъ-баша. Онъ, въ свою очередь, высматривалъ во всѣхъ направленіяхъ мѣсто, удобное для остановки и отдыха, т. е. мѣсто съ наибольшимъ количествомъ корма для верблюдовъ.

Но вотъ опытный глазъ Кебекова отыскалъ, что было нужно, онъ молча поворотилъ своего верблюда въ сторону, молодые члены нашего каравана тотчасъ-же, какъ-бы по